

ПЯТЬ ПИСЕМ ИОАННА ЦЕЦА: АВТОПОРТРЕТ ВИЗАНТИЙСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА

Иоанн Цец не нуждается в представлении. Он хорошо известен как ученый-эрудит, комментатор древних авторов, обладавший необыкновенной памятью и знавший наизусть чуть ли не всю античную литературу. Цец был профессиональным литератором и зарабатывал себе на хлеб исключительно своим пером, но меценаты в тот век были скупы, и писателю временами приходилось сводить концы с концами. Цец известен и как поэт, автор желчных сатирических стихов в адрес своих противников и конкурентов¹. Однако произведение, в котором наиболее ярко отразилась самобытность его литературного таланта, это собрание писем со стихотворными комментариями. Свое эпистолярное собрание Цец составил сам, включив в него 107 посланий. Он осознавал, что его письма – по его собственным словам, “словесные раковины”, таящие “жемчужину” (Epist. 113.15–16) – непросты для понимания, и потому написал к ним обширный стихотворный комментарий более чем в 12 тысяч стихов. Комментарий изначально именовался “Истории”, но впоследствии получил название “Хилиады”.

Эпистолярное собрание Цеца состоит из 107 писем, некоторые из них² написаны не от имени Цеца, вероятно, писатель сочинил их на заказ. Кроме этих 107 посланий есть и еще одно, стихотворное письмо, включенное в “Хилиады” (Chil. IV. 471–779). В последние десятилетия исследователи проявляют все больше внимания к эпистолярному наследию византийцев³, но письма Цеца, который уже признан как виртуоз этого жанра⁴, до сих пор остаются в тени. Если ученые и обращались к его посланиям, то “эксплуатировали” их исключительно как исторический источник. Так, Дж. Шепард детально анализирует исторические реалии, встречающиеся в четырех посланиях ко Льву Харсианиту⁵. М. Грюнбарт посвящает письмам Цеца краткое исследование сугубо просопографического характера⁶. Письма еще никогда не привлекались для характеристики личности и мировоззрения Цеца. А между тем именно для такого рода исследований эпистолярное наследие византийцев хранит в себе богатейший материал. Об этом красноречиво свидетельствуют работы Я.Н. Любарского⁷, посвященные письмам Михаила Пселла.

¹ О жизни и творчестве Цеца см.: *Wendel C. Tzetzes Johannes // RE. VII A. 1948. S. 1959–2010.*

² Epist. № 7, 9, 11, 15, 30, 52.

³ Об эволюции взглядов ученых на византийскую эпистолографию см.: *Hattlie P. Redeeming Byzantine Epistolography // Byzantine and Modern Greek Studies. 1996. Vol. 20. P. 213–248.*

⁴ *Mullett M. The Classical Tradition in the Byzantine Letter // Byzantium and the Classical tradition. University of Birmingham, 1981. P. 87.*

⁵ *Shepard J. Tzetzes' letters to Leo at Dristra // BF. 1979. Bd. 6. S. 191–239.*

⁶ *Grünbart M. Prosopographische Beiträge zum Briefcorpus des Ioannes Tzetzes // JÖB. 1996. Bd. 46. S. 175–225.*

⁷ *Любарский Я.Н. Михаил Пселл. Личность и творчество (К истории византийского предгуманизма) // Две книги о Михаиле Пселле. СПб., 2001. С. 232–340.*

Письмо в Византии было не пустым риторическим упражнением, а средством выражения эмоций. Как справедливо полагает М. Маллет, в византийской литературе эпистолярная проза в какой-то степени заменяла собой лирическую поэзию⁸. Именно этот жанр требовал от автора максимального самовыражения. И вправду, в посланиях многих византийцев мы находим индивидуальный образ автора, по верному выражению Я.Н. Любарского, автопортрет писателя⁹. Автопортрет мог быть различным, в зависимости от того, к кому обращено послание. Как же византийский автор изображает себя? В каком обличье он является перед современниками? Как строятся его взаимоотношения с друзьями? Чтобы охарактеризовать личность автора, понять его мировоззрение, поставить эти вопросы совершенно необходимо. Этим вопросам и посвящена данная статья.

Проследить образ автора в письмах ко всем его адресатам – от императора Мануила до безвестного грамматика – такая задача требует весьма обширного исследования. В рамках статьи мы ограничимся тем, что охарактеризуем образ автора в его посланиях всего лишь к одному корреспонденту – Льву Харсианиту. Почему именно к нему? Лев был ближайшим другом писателя (Epist. 53.2–3) или по крайней мере одним из них – и потому в отношениях с ним мы могли бы ожидать от эпистолографа большей раскованности. Ко Льву обращены пять писем Цеца (Epist. № 38, 39, 66, 80, 82). Четыре из них уже стали предметом исследования: Дж. Шепард в уже упомянутой статье анализирует исторические реалии этих писем и приводит сведения о жизни Льва Харсианита. Поэтому мы не станем подробно излагать его биографию, а ограничимся лишь двумя словами. О Льве Харсианите известно немного: он был ровесником нашего автора, получил хорошее образование, до середины 40-х годов XII в. был диаконом, а затем стал митрополитом далекой Дристры.

Два слова следует сказать и о методах нашего исследования. Тексты пяти писем будут подвергнуты детальному сопоставительному анализу. Для сравнения будут привлекаться остальные послания Цеца, иные его сочинения, а также письма других авторов. Основное внимание будет уделяться тому, где писатель обходится расхожими эпистолярными формулами, а где выходит за их рамки. Если эпистолограф хотя бы на йоту отступил от строгого канона, то наверное у него были на это веские причины? Именно в этих-то вольностях и следует искать проявлений авторской индивидуальности.

Первое письмо обращено ко Льву, когда он был еще диаконом (Epist. № 38). В этом послании автор утешает адресата, у которого умерла мать. Содержание его сводится к следующему. Сначала Цец описывает, как он был сам огорчен, получив печальное известие, а затем утешает Льва: во-первых, каждый неизбежно умрет, поскольку природа человека подвержена распаду, во-вторых, мать Льва умерла счастливой смертью, не испытывая страданий и болезни. Наконец, автор напоминает адресату, что душа бессмертна и что, окончив земной путь, его мать переселилась в лучшую обитель. Письмо Цеца построено по традиционной схеме, в нем можно легко обнаружить ряд мотивов, типичных для византийских утешительных

⁸ Mullett M. The Classical Tradition... P. 82.

⁹ Любарский Я.Н. Замечания о Николае Мистике в связи с изданием его сочинений // Византийские историки и писатели. Сб. ст. СПб., 1999. С. 65.

посланий¹⁰. Однако в то же время письмо отнюдь не является чисто этикетным и стандартным. Его оригинальность особенно заметна, если сопоставить его с двумя другими утешительными письмами Цеца, в которых автор не считает должным отступить от эпистолярного этикета. Первое обращено к Феодору, сыну Костомира (Epist. № 72), а второе – к Никите Пентавуниту и его отцу (Epist. № 107).

Основная черта, отличающая письмо ко Льву от других утешительных посланий Цеца, – его индивидуальный, личный характер. В письме к Пентавунитам Цец утверждает, что смерть юноши причинила горе всем, кто о ней услышал, – о своих собственных эмоциях Цец не говорит ни слова (Epist. 156.8–12). В послании к Костомиру автор рассказывает о том, как его огорчила печальная весть, но для того, чтобы передать свои чувства, употребляет череду абстрактных метафор (Epist. 103.20–24). В письме ко Льву эмоции автора описываются совсем иначе. Сообщив о том, как его ранило известие о смерти матери Льва, Цец задает вопрос: “И почему бы не испытать мне такое страдание, если друг – это второе я?” и далее отваживается на откровенное признание: «Ведь я – смело признаюсь в этом тебе, знающему меня, – несравненно больше склонен к жалости, чем римлянин Красс. Когда умерла мурена, к которой он привык, Красс похоронил ее и оплакал, а когда Домиций стал насмехаться над ним, что он де оплакивает животное, Красс ответил: “Я плачу над муреной, а ты не проронил ни слезы, схоронив трех жен”. Так вот, Красс оплакивал одну мурену... а я по своей воле ни разу одушевленное существо души не лишил, хоть иногда и ем их мясо. Я вообще всегда плачу, когда закалывают и убивают скот. И почему бы мне не испытать страдание, если я, столь жалостливый даже к скотине, узнал о несчастье друга, который для меня выше всех, даже близких родственников?» (Epist. 53.10–54.5)

Такое пространное описание своих чувств для утешительных посланий не типично. В других случаях, утешая адресатов, Цец следовал традиции, а в послании к своему ближайшему другу он отступает от канона и рассуждает о своем нраве. Признание Цеца носит сугубо личный характер – недаром писатель оговаривается: “Смело признаюсь в этом тебе, знающему меня”. Чрезмерная подверженность страстям всегда рассматривалась в Византии как нечто предосудительное. Однако при этом писатель явно гордится своей сентиментальностью и рассказывает о ней с заметным самолюбованием. Он настолько увлекается, что, кажется, забывает об основной теме – он скорее не утешает друга, а любитесь собственными переживаниями. Такой эгоцентризм будет типичен и для других посланий нашего автора.

Первое письмо написано Льву, когда он был еще диаконом, а второе обращено уже к митрополиту Дристры (Epist. № 39). Текст этого послания позволяет восстановить эпистолярную ситуацию: адресат долго не писал Цецу, а потом прислал ему дары – три сушеные рыбы и еще одну рыбу, больших размеров, в уксусе. Однако эти лакомства не сопровождалось никаким, хотя бы этикетным письмом. В ответном послании наш автор описывает ход своих размышлений. Вначале он с нетерпением ждал весточки из Дристры и гадал, какова могла быть причина молчания. Затем он получил подарки,

¹⁰ О канонах утешительного письма в Византии см.: Littlewood A.R. The Byzantine Letter of Consolation in the Macedonian and Comnenian Periods // DOP. 1999. Vol. 53. P. 19–41.

но отсутствие письма огорчило его, он заподозрил, что адресат счел его варваром и рабом и потому не удостоил ни единой строчки. Однако, в конце концов, он все же утешился: ему стало понятно истинное значение даров, они вместо письма возвещают автору о здоровье и благополучии адресата. Письмо завершается приветствиями и пожеланием здоровья.

Итак, письмо открывается традиционным мотивом: автор упрекает адресата за продолжительное молчание. Это одна из самых распространенных тем византийской эпистолярной литературы¹¹. Раскрывается эта тема тоже весьма традиционно: автор недоумевает, почему адресат не пишет ему, и перебирает вероятные причины – ключевым словом становится ἄλoρiα¹². “Может быть, писца не было? Может, перо притупилось? Может, иссякли чернила в чернильнице? Может, среди местных жителей не нашлось таких, что направлялись в эти края?” – такими вопросами задавался автор, пока ему не принесли рыб (Epist. 56.20–57.12). Когда же ему принесли изысканные яства, не сопровождаемые никаким посланием, то писатель оказался в еще большем недоумении: то ли Лев счел его варваром и потому не удостоил ни словечка? То ли посчитал обжорой и потому угостил не словом, а рыбой? То ли, уличая его в бессловесности, почтил бессловесными дарами? (Epist. 57.12–23). И тут письмо достигает кульминации: Цец высказывает предположение, для него наиболее обидное: «Быть может, видя мою бедность, ты вообразил, что я раб и невольник и потому буду рад рабским подаркам? И не думай! Ты глубоко ошибаешься по поводу моего характера, ты забыл о моем свободном нраве – из-за него я пренебрег придворной жизнью и государевой службой. Сказав, “мне довольно малого, а в большем, при условии несвободы, я не нуждаюсь”, я избрал жизнь бедную и скромную» (Epist. 57.23–58.16). Итак, обида Цеца мотивирована тем, что друг посчитал его рабом, и Цец напоминает ему, что наделен ἐλευθεριότης – “свободным нравом”. Этим качеством писатель особенно гордится и в своих сочинениях не упускает возможности им похвастаться. Ἐλευθερίων, ἐλευθεριότης – одно из центральных понятий мировоззрения Цеца, и потому на его значении следует остановиться и рассмотреть подробнее.

Прежде всего, термин ἐλευθερίων подразумевает стремление к ἐλευθερία в собственном смысле этого слова, к “свободе”, независимости. Иными словами, это отказ служить кому-либо. Так, и в нашем письме автор говорит о том, что свободный нрав побудил его отказаться от придворной службы, λατρεία. Более подробно он рассказывает о том же в послании епископу Клокотницы. Оказывается, “дети василевса” изо всех сил умоляли Цеца жить с ними и управлять их делами – “пусть меня считают хвастуном”, признает наш автор, – но он был неумолим. Нет, он предпочел есть грошовый хлеб, пить воду, вести скромную жизнь, а не утопать в роскоши. Тут же эпистолограф произносит почти ту же фразу, что и в письме ко Льву Харсианиту: “Мне довольно владеть малым, но жить свободно, а в изобилии, при условии несвободы, я не нуждаюсь” (Epist. 35.21–36.7). В письме к еще одному другу, Иоанну Трифилису, Цец с гордостью поведает о том, что он так бе-

¹¹ Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. 1. München, 1978. S. 221–222.

¹² Подобные рассуждения см., например, в письмах Симеона Магистра (Darrouzès. II. Ep. N 7, 11, 89), Феодора Продрома (Prodrom. Ep. N 1, 11) и Михаила Италика (Ital. Ep. N 16).

ден, поскольку не склонен льстить тиранам (Epist. 75.6–10). Эти громкие заявления делались, без сомнения, на злобу дня. Мотив отказа от рабской службы весьма актуален в XII в., когда интеллектуалы, дабы заработать себе на хлеб, искали покровительства знатных господ, стремясь поступить на службу к какому-нибудь вельможе¹³. Эта служба могла иметь самые разнообразные формы, но нередко она обращалась в полное бесправие и по справедливости именовалась в источниках “рабством”¹⁴. Вот от такого-то рабства, очевидно, и отказывается писатель.

Однако значение слова ἐλευθέριον в устах Цеца не сводится к свободолюбию и независимости. Есть и другое значение этого понятия, более широкое и абстрактное. Наиболее четко оно сформулировано в “Хилиадах”: сравнивая себя с сыном Катона Старшего, Цец утверждает, что отец воспитал его “свободным от всего плотского и приземляющего, от власти, от славы, от почестей, от сребролюбия, от всего того, что держит в плену несвободных” (Chil. III. 169–171, ср. IV. 560–563). Таким образом, свобода – это не только независимость от господ, но и безразличие ко всем мирским благам. Сходные декларации можно обнаружить и в уже упоминавшемся послании к епископу Клокотницы (Epist. 36.7–12).

В интересующем нас послании “слышится” и то, и другое значение. С одной стороны, ἐλευθερίότης побуждает эпистолографа отказаться от службы при дворе, а с другой, его свободный нрав означает презрение к низким рабским дарам. Явное недовольство и даже демонстративный отказ – вот что нередко ожидало корреспондентов нашего автора, присылавших ему подарки, особенно съедобные. Так, в письме к Михаилу, своему родственнику, писатель формулирует ту же мысль: он, разумеется, благодарен адресату за куропаток, но просит его впредь слать ему не яства, а письма: “Ты ведь хорошо знаешь, что я не обжора и съедобные подарки меня не радуют, я больше золота и топаза жажду получить от тебя письмо” (Epist. 69.2–6). Наиболее интересно послание к Иоанну Василяки – здесь та же мысль сформулирована наиболее полно. Цец опять отказывается принять подарок адресата (в чем он состоял, не уточняется), ведь если он примет его, то другие тоже станут осыпать его дарами. Оказывается, подарки для Цеца – невыносимое бремя, он нуждается только в искренней дружбе. Цец – “верный и благороднейший друг”, он ненавидит подношения. Он подражает в этом древним мужам, Эпаминонду и Катону, и говорит вместе с ними: “Вы не убедите меня любить друзей за деньги”. Дружба Цеца – благороднейшая и бескорыстнейшая (Epist. 107.3–22). Показательно, что здесь, как и в “Хилиадах”, Цец вспоминает о Катоне, который воплощает для нашего автора идеал нравственной свободы.

Мотив презрения к подаркам весьма характерен для Цеца. Однако, быть может, это общее место византийской эпистолографии? По всей видимости, нет. Получая подарки, византийцы, как правило, реагировали иначе. Письма весьма часто сопровождалась разного рода дарами. Были выработаны изысканные формулы благодарности, их в изобилии можно найти и в письмах комниновской эпохи. Получив подарок, “изумленный” эпистолограф часто восклицал, что ему нечем отплатить за такие роскошные дары. Так,

¹³ Magdalino P. The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180. Camb., 1993. P. 335–356.

¹⁴ Ibid. P. 346–347.

например, Евстафий Солунский восхваляет птицу, присланную ему адресатом, и в конце письма вопрошает: “Чем же нам на это ответить? Ничем, или, вернее, чем всегда – благодарностью и молитвой”¹⁵.

Впрочем, заявления Цеца нельзя назвать абсолютно оригинальными и неожиданными. Конечно, византийцы зачастую настаивали, что письмо друга дороже им золота¹⁶. Ближе всех к нашему автору оказывается Михаил Пселл. Пселл, как и Цец, тоже не раз декларирует, что он предпочитает не получать от друга яства, а читать его письма и вести беседу. Однако при внешнем сходстве заявлений двух писателей между ними существует принципиальное различие. Чтобы это различие выявить, рассмотрим два письма Пселла, написанные в сходной ситуации. Например, получив от кесаря трюфеля, Пселл восхваляет их – они особенно драгоценны, поскольку это дар с трапезы адресата, – однако затем восклицает: “Но что мне в дарах? Вместо всего этого мне достаточно дружеское письмо и обыкновенное твое приветствие” (K.D. 66.29–30). Еще один сходный пример: Пселл восхваляет присланную рыбу, но затем признается, что предпочел бы не вкушать изысканные яства и не вдыхать благовония, а видеть душу дорогого адресата (K.D. 318.7–12)¹⁷.

При внешней схожести двух позиций различие весьма заметно. Конечно, Пселл предпочитает, по его собственным словам, “словесную амброзию” – письма и личное общение. Но плотская пища тоже приносит ему радость. С нескрываемым удовольствием он описывает, какое наслаждение он получил, вкушая аппетитные дары (K.D. 66.28–29; 295.4–16; 318.5–7). Цец относится к подаркам совсем иначе. Они не приносят ему никакой радости, он ненавидит их, вещественные дары трактуются им как нечто низкое, присущее рабам, а он, Цец, не раб и не чревоугодник, и намерение друга порадовать его куропаткой уже воспринимается как нечто обидное. В письмах Пселла нет и тени подобного аскетизма. Таким образом, реакция Цеца на подарки его корреспондентов, видимо, и вправду была неожиданной. Его заявления – не стершийся топос. Демонстрируя презрение к низким рабским дарам, писатель отступает от эпистолярного канона. Этот отказ, именно в силу своей оригинальности, призван служить красноречивым свидетельством свободного и возвышенного нрава нашего автора. Такой жест соответствует тому образу автора, который Цец последовательно создает в своих посланиях.

Итак, получив от Льва традиционный византийский подарок, рыбу, Цец ответил отнюдь не традиционно. Он не стал восхвалять достоинства присланной рыбы или описывать ее изысканный вкус, а расценил ее как дар для раба, чревоугодника, обжоры. Цецу же нужны “свободные” дары – письма. Доказательством его свободного нрава служит в очередной раз рассказанная история о том, как он отверг придворную службу. Напомнив, таким образом, о своих добродетелях, произнеся должные похвалы в свой адрес, Цец возвращается в лоно эпистолярного этикета. Тон письма меняется. После долгих размышлений автор будто бы понял, что означает подарок. То, что

¹⁵ Eust. Ep. N 4. P. 311.61–63. См. также: Ep. N 3, 5, 31. Тот же мотив (“нечем отплатить за столь великие благодеяния”) появляется и в письмах более раннего периода. Например: Darroutzès. III. Ep. 48.

¹⁶ Например: Ital. Ep. N 5.

¹⁷ Еще один сходный пример: K.D. № 87. P. 66.29–30.

Лев прислал три сушеные рыбы, значит, что он почитатель Св. Троицы. Лев – великий архиерей, и потому он совершил чудо: безмолвных рыб, несмотря даже на то что они давно умерли и утратили всю влагу, он заставил говорить, так что теперь они, подобно письму, возвещают Цецу, что адресат здоров (Epist. 58.7–16). Иными словами, Цец понял, что рыба прислана не как лакомство для чревоугодника, но имеет аллегорическое значение и возвещает о благочестии и здоровье адресата. Аллегорическое истолкование подарков – весьма распространенный мотив византийской эпистолографии¹⁸.

Таким образом, второе письмо Цеца ко Льву Харсианиту тоже нельзя назвать этикетным и стандартным. Автор отступает от бесцветных эпистолярных формул. Послание позволяет судить о взаимоотношениях двух друзей. В нем просматривается индивидуальный образ автора. Можно ли сказать это о следующем письме, обращенном к тому же адресату (Epist. № 66)? В этом послании Цец вновь утешает друга. Со Львом произошло несчастье. Скифы напали на него, захватили в плен, подвергли мучениям, и только с Божией помощью ему удалось спастись от верной гибели. Кто такие скифы, и какое историческое событие имеется в виду? Дж. Шепард справедливо заключает, что скорее всего, это были куманы, перешедшие Дунай в 1148 г.¹⁹ Этому несчастью и посвящено послание Цеца. Эпистолограф описывает собственное горе, постигшее его при известии, далее кратко рассказывает о мучениях Льва и восхищается его стойкостью. Цец призывает Льва не предаваться унынию, а напротив, радоваться, ибо Господь удостоил его такой участи. Далее следуют недобрые пожелания мучителям адресата. Письмо завершается приветствиями и кратким упоминанием о болезни автора.

Уже с самого начала стиль письма абстрактный и риторический. Вот как, например, Цец описывает свои эмоции: “Как будто бы некий ураган обрушился на меня и сотрясся акрополь моего разума, не выдержал оплот сердца, опустошен дворец души, и вот, я весь заключен в оковы бременем горя и уведен в плен к сумрачной владычице скорби, что глядит невесело и хмурит брови” (Epist. 93.15–94.1). Столь же абстрактно описание мучений адресата. Он обрисован как житийный герой, претерпевший муки за веру, неслучайно, что повествование изобилует библейскими цитатами. Однако во второй половине письма индивидуальность автора все же проявляется. Цец не говорит здесь о себе почти ничего, но его позиция явственно обозначается в форме полускрытой полемики с адресатом.

Цец называет митрополита подражателем Христа, но в довершение всего заявляет: «В одном только не подражай Ему, не говори “Отпусти им грехи”, как говорил Господь и служитель апостолов Стефан, а произнеси подобающую им молитву» (Epist. 95.3–6). Далее следует череда проклятий в адрес варварского племени. “Вот как должно тебе молиться, святейший владыко, – заключает Цец. – Если же ты как истинный архиерей не желаешь произнести такую молитву, то об этом помолюсь я” (Epist. 95.14–16). Тем самым Цец противопоставляет себя адресату. Если Лев – это истинный архиерей, служитель Бога, и простит мучителей, но Цец поведет себя иначе – он станет молить Господа о справедливом возмездии. Адресат – подражатель Христа, а автор – земной человек, подверженный гневу. Об этой своей черте Цец пишет неод-

¹⁸ *Hunger H. Die hochsprachliche... S. 232.*

¹⁹ *Shepard J. Tzetzes' letters... P. 207–210.*

нократно, правда, несколько в ином контексте. В “Хилиадах” Цец подчеркивает свое сходство с Паламедом и Катонем Старшим, однако вместе с тем отмечает и различия. Одно из них заключается в том, что Цец склонен к гневу. Эта черта, по словам писателя, сближает его с Катонем Младшим. Цец вспоминает эпизод, рассказанный Плутархом²⁰: когда все трепетали перед Суллой и оплакивали казненных, Катон, совсем еще ребенок, потребовал дать ему меч, дабы он мог расправиться с тираном. Цец, как и юный Катон, тоже жаждет убить неких продажных архиереев, которые служат земным властителям (Chil. III. 192–234). О своей склонности к гневу Цец говорит и в других сочинениях, например, в “Аллегориях к Илиаде”²¹.

Таким образом, третье послание ко Льву открывает для нас еще одну черту авторского образа. Следующее письмо ко Льву (Epist. № 80) написано совсем в другом тоне. Ситуация такова: Лев прислал Цецу подарки, и на этот раз не сушеную рыбу, а раба-славянина, которого прежде звали Всеволодом, а теперь Феодором, и изящную чернильницу из рыбьей кости. Вместе с дарами он прислал и письмо, в котором жаловался на каких-то досаждавших ему людей. Цец отвечает так: вначале он благодарит Льва за подарки, настаивая при этом, что они ему не нужны, а затем шутит по поводу жалоб адресата и присланных даров. Письмо завершается пожеланием скорой встречи.

Итак, основной темой вновь становятся подарки адресата. Как же наш автор реагирует на этот раз? Перечислив дары, он в знак благодарности передает митрополиту поклон и признается, что не может достойно отблагодарить его и потому воздаст молитвами (Epist. 119.2–12). Это традиционный мотив, о котором уже упоминалось. Такую тривиальную, легко предсказуемую реакцию можно встретить и в других письмах Цеца, например, в послании к Иосифу Агиогликериту, настоятелю монастыря Пантократора. Получив от адресата благовоения, Цец выражает восторг, а в заключение говорит, что кланяется до земли, но по достоинству отблагодарить не в силах и потому молит Бога “воздать” Иосифу “достойным воздаянием” (Epist. № 51). Письмо Иосифу традиционно – личность автора скрыта под покровом хорошо известных этикетных формул. Это неудивительно: Иосиф был не другом Цеца, а его покровителем, письмо Цеца к нему – это дань вежливости, часть эписистолярного церемониала. Иное дело – близкий друг Лев Харсианит. В послании к нему Цец не ограничивается традиционной благодарностью, отступает от тривиальных формул. “Я восхищаюсь, – продолжает он, – твоим усердием и любовью ко мне. Ведь твоя святость много раз слышала, как я... говорил о том, что не нуждаюсь ни в чем земном, ни в деньгах, ни в поместьях, ни в рабах, ни в чем ином, но твоя святость... пренебрегает моими словами, но шлет мне такие дары, которые мне совершенно не нужны. Ведь жажду и желаю я совсем другого: единственная вожделеннейшая цель наша – видеть твою святость, наслаждаться твоей желанной беседой или хотя бы слышать голос” (Epist. 119.12–25). Таким образом, Цец остается верен себе и возвращается к своей излюбленной теме: дары не нужны ему, он не нуждается в земных богатствах, его дружба бескорыстна.

“Вот то, что касается подарков” – такими словами автор завершает первую часть послания. Далее тон меняется. “Когда... я узнал, – пишет Цец, – что тебе досаждают люди, которым свойственно раздувать и разжигать вражду, я чуть

²⁰ Плутарх. Катон. III.

²¹ Tzetzae Allegoriae Iliadis / Ed. Jo. F. Boissonade. P., 1851. P. 43.731–44.739.

ли не рассмеялся, увидев философский нрав твоей божественной души – ведь вся человеческая жизнь это игральная кость и пучина волнений, а ты, обретаясь в ее середине, один пожелал всего этого не испытать” (Epist. 119.26–120.7). Адресат подал Цецу повод затронуть одну из его излюбленных тем – мотив непостоянства, ненадежности всех земных дел, изменчивости Фортуны. Так, в одном из писем он с горечью восклицает: “Жизнь – это юдоль скорби или, как я это называю, игральная кость, непрерывное круговое движение, нет ничего, чем можно было бы гордиться и превозноситься” (Epist. 105.17–19). Это изречение для XII столетия не особенно оригинально, однако Цец настойчиво приписывает его себе, комментируя его в Хилиадах, он снова с гордостью подчеркивает свое авторство: “Знай, что это изречение Цеца” (Chil. X. 549 sq). Пессимистическое мировоззрение Цеца типично для средневековья, но из византийских авторов XII в. оно особенно созвучно взглядам Константина Манасси²². Может быть, не случайно, что и Цец, и Манасси в какое-то время принадлежали к одному литературному кружку севастократориссы Ирины?

Все земные блага иллюзорны, судьба непостоянна – этот мотив многократно повторяется в произведениях Цеца, особенно стихотворных: монотонная череда исторических примеров растягивается на десятки стихов²³. По словам автора, такой взгляд ему внушил отец, когда он ночи напролет рассказывал будущему писателю о Крезе, Гекубе, Велисарии... Именно тогда Цец научился с презрением относиться к богатству и титулам (Chil. IV. 560–588). Он отказался от жизни, полной волнений, и избрал тишину и уединение. Что же касается Льва, то он, вероятно, вступил на другую стезю – в отличие Цеца, он очутился в самой середине водоворота и неизбежно подвержен тревогам и капризам Фортуны. Потому и жалобы его вызывают у Цеца горькую усмешку.

Далее шутки продолжают. В заключительной части послания Цец возвращается к дарам Льва. “Теперь же, позволь я немного посмеюсь над твоими подарками. Что ж ты, владыко, наделал?” – говорит Цец и принимается перечислять недостатки всего того, что прислал адресат: во-первых, Всеволод-Феодор еще так юн, что Цец скорее сам ему служит, во-вторых, Цец должен кормить его, а средств нет, в-третьих, Феодор не знает греческого языка и потому творит неуклюжие и смешные вещи, в-четвертых, он не русский, а мисиец, в-пятых, он левша, в-шестых, он учиться не желает, а хочет только есть, в-седьмых, он сам болезненный и учит другого раба поступать так же, как и он, и вот они оба лежат больные. Что же касается чернильницы, то она больше годится для тех, кто ее сделал, для людей, привыкших более пить, нежели писать (Epist. 120.8–26).

Итак, Цец дает шуточную оценку присланных ему даров. Он притворяется, что недоволен, и будто бы бранится. Подарки в византийской эпистографии нередко становятся темой для дружеского юмора²⁴, и письма Це-

²² О мотиве изменчивой Тихи в творчестве Манасси и других историографов XII в. см.: Черноглазов Д.А. О мировоззрении Иоанна Зонары и его современников // Византийские очерки. Труды российских ученых к XXI Международному конгрессу византинистов. СПб., 2006. С. 187–204.

²³ Chil. IV. 724–775. См. также эпитафию Цеца Феодору Каматиру (ed. S. Pétridès // BZ. 1910. Bd. 19. S. 7–10).

²⁴ Шутки по поводу подарков характерны, например, для Феодора Дафнопата (Daphn. Ep. N 24–25), Михаила Пселла (K.D. Ep. N 232–233), Михаила Италика (Ital. Ep. N 8), Евстафия Солунского (Eust. Ep. N 5).

ца – не исключение. Напротив, для нашего автора подобные насмешки особенно характерны. Получив от друга ножи, он признается, что этими ножами он вооружил друзей, и теперь они станут его телохранителями (Epist. 98.8–11). Другого корреспондента Цец сравнивает с Артаксерксом – персидского царя называли длинноруким, но руки адресата явно длиннее: их хватило на то, чтобы дотянуться от Адрианополя до столицы и передать Цецу куропаток (Epist. 68.16–23).

Иногда, как и в нашем послании, шутки имеют форму притворной критики подарков. Так, одном письме, обращенном к некоему епископу, Цец убеждает адресата, что принимает его дары с благодарностью (Epist. № 16). Он пишет, что адресат зря посчитал его невоспитанным и неблагодарным. Конечно, он благодарен ему за подарки, но прежде шутил, поскольку искренняя дружба дала мне свободу речи, а адресат ошибся и посчитал Цеца обжорой. “Прости, – заключает Цец, – если ты считаешь преступлением дружескую свободу речи и шутку” (Epist. 31.2–4). Скорее всего, шутка Цеца и здесь состояла в притворной критике присланных даров, а адресат не оценил остроумия, шутку не понял и оскорбился. Адресаты Цеца не всегда понимали его юмор. Поэтому, вероятно, он несколько раз напоминает Льву Харсианиту, что его критика – это всего лишь *δοτεῖσμάτα*. Следует отметить еще одну вещь: “свободу речи” Цецу дала “искренняя дружба”. Это выражение показывает, что на подобные остроты писатель отваживался только в посланиях к близким друзьям – и вправду, в письмах к своим высоким покровителям он держался на почтительном расстоянии и ограничивался стандартными формулами.

Четвертое письмо весьма показательно. По сравнению с предыдущими, оно показывает автора совершенно с новой стороны. Оно воссоздает атмосферу общения Цеца и его друзей, которые не прочь были и подшутить друг над другом или высмеять подарок. Последнее, пятое послание ко Льву написано вскоре после четвертого (Epist. № 82). В нем говорится все о том же рабе Всеволоде. Цец упрекает Льва за молчание, просит скорее написать ему и подсказывает, кому он может передать раба, ставшего для него непосильным бременем.

Цец вновь укоряет адресата за долгое молчание. Как уже говорилось, подобные упреки и жалобы для византийской эпистолографии весьма традиционны. К этой теме наш автор обращался и в одном из прежних своих посланий ко Льву Харсианиту. В интересующем нас письме жалобы тоже носят традиционный риторический характер, но витийные формулы не скрывают раздражения и нетерпения Цеца – его упрек далеко выходит за рамки эпистолярного церемониала. Начало тривиально: Цец вспоминает распространенное определение писем – они служат для того, чтобы души могли вести беседу, а адресат пишет крайне редко или скорее не пишет вовсе (Epist. 122.2–8). Далее еще один традиционный мотив: адресат невиновен, если письмонослители с обеих сторон проявляют нерадение и укрывают письма как Цеца, так и Льва (Epist. 122.8–11). Если же это не так, то Льву не избежать обвинения. В чем? Исчерпав риторические формулы, Цец излагает реальную причину упрека. Оказывается, он обращался ко Льву с вопросом, куда передать Всеволода-Феодора, а тот медлит с ответом и тем самым, пусть даже невольно, изнуряет Цеца бесполезным бременем (Epist. 122.11–16). Вероятно, речь идет о том, что Всеволод был Цецу и вправду не нужен, толь-

ко лишь обременял его, и он искал возможности от него избавиться. В шутках предыдущего письма, видимо, была доля правды. Цец не хотел причинить Льву обиду и не стал подвергать его подарок прямой критике. Теперь же он более не скрывает раздражения, хотя и здесь явно боится оскорбить адресата. Может быть, именно поэтому он не сразу излагает свою “претензию”, а смягчает ее риторикой и напоминанием о дружбе?

Далее продолжается рассуждение о бесполезном даре. Ведь не бывает благодеяния против воли, пишет Цец, и никто не желает “богатства, если оно в тягость”²⁵. Особенно же этого не хочет он, Цец, ведь душа у него бескорыстнейшая, и краткое письмо друга дороже ему бесчисленных даров и сокровищ (Epist. 122.16–21). Это мотив, весьма характерный для Цеца, но данный случай в корне отличается от других. Цец многократно выражал недовольство по поводу подарков и даже отказывался от них, и единственным мотивом служило бескорыстие, “свободный нрав”, безразличие к вещественным “рабским” дарам. Здесь Цец тоже в обычной манере декларирует свое бескорыстие, но наряду с этим мотивом появляется и другой: раб, присланный Львом, и вправду стал для него непосильным бременем. Недовольство Цеца получает два объяснения. Одно из них прагматическое: раб оказался ему настолько в тягость, что он ищет возможности поскорей от него избавиться. Второе же объяснение восходит к античному идеалу благородства и бескорыстной дружбы. При этом примечательно, что первое объяснение нисколько не мешает второму, мирно с ним соседствует.

Таким образом, недовольство Цеца по поводу подарков носило не только демонстративный характер. Может быть, и в других случаях, когда Цец отказывается от подношений, заявления о бескорыстии тоже уживаются с какими-то иными, прагматическими мотивами? Вполне возможно, что эти мотивы существовали, но только не были выражены эксплицитно, а подразумевались и читались между строк. Недаром в уже упомянутом послании к Иоанну Василяки Цец утверждал, что дары для него это бремя, фортiоv, точно так же, как он называет раба ελιφортiоvα. Вполне вероятно, что многие подарки, сделанные из лучших побуждений, были и вправду обременительны для Цеца, хотя прагматические, бытовые причины его недовольства скрывались за высокопарными заявлениями о благородстве и бескорыстии. Так, например, юный болезненный раб-славянин был ему обузой, пользы он не приносил, а содержать его было для нищего интеллектуала затруднительно. Впрочем, для нас важнее другое. Реальные причины отказа, разумеется, существенны, но столь же знаменательна литературная форма, в которой этот отказ выражен, именно эта форма (т.е. заявления о бескорыстии) поможет нам реконструировать тот бесконечно стилизованный автопортрет Цеца, который является нам из писем ко Льву Харсианиту.

Итак, мы рассмотрели пять писем Цеца к его ближайшему другу. Взаимоотношения двух интеллектуалов можно охарактеризовать как ученую дружбу – послания написаны усложненным стилем и изобилуют античными цитатами и аллюзиями. Эти письма никак нельзя назвать риторическими упрощениями в рамках эпистолярного этикета. Цец выходит за рамки застывших формул. Его реакция нередко оказывается неожиданной. В этих посланиях нетрудно обнаружить яркий и самобытный образ автора. Цец

²⁵ *Евритид*. Медея. 587–588.

много рассказывает о себе, горделиво описывает свой нрав. Ему далеко не безразлично, какое мнение о нем сложится у его современников и потомков – недаром писатель столь часто сетует, что адресат неверно представляет себе его нрав, и тут же спешит развеять заблуждение. В своих посланиях, и в первую очередь в посланиях к близкому другу, Цец пишет свой автопортрет. Не удивительно, что этот автопортрет весьма тенденциозен, почти от начала до конца стилизован. Каковы же основные его черты?

Основная черта – “свободный нрав”, широкое понятие, включающее в себя и стремление к личной свободе и независимости, презрение ко всем мирским благам, благородство и великодушие. Цец отказывается от высоких напыщенных титулов и от роскоши. В доказательство свободного нрава он с негодованием отвергает вещественные дары – его дружба благородна и бескорыстна. Такая концепция свободы восходит к античному идеалу свободного человека, недаром Цец состязается в великодушии с Катонем и Эпаминондом. Однако в устах византийского автора эта концепция, разумеется, обретает новый, злободневный оттенок. При всей своей отвлеченности заявления Цеца призваны объяснить его вполне конкретный поступок – отказ от карьеры в качестве придворного ратора или секретаря. В основе нравственной свободы, которой гордится Цец, – типично средневековый взгляд на мир, выраженный у нашего автора с особенной остротой. Окружающую действительность он изображает в неизменно мрачных тонах. Лейтмотивом через его сочинения проходит идея изменчивости судьбы и призрачности земных благ.

Итак, создается образ византийского Катона, презирающего богатство и мирскую суету. Однако есть и другие черты, которые несколько оживляют этот образ, нарушают его монументальность. Цец признает, что он подвержен страстям. Когда он видит несправедливость, то не в силах сдерживать гнев, хотя и осознает, что благочестивый христианин поступил бы иначе и простил бы недруга. Другая эмоция, которой подвержен Цец, это жалость, которая находит самые разные проявления: писателю бесконечно жаль друга, лишившегося матери, он проливает обильные слезы над зарезанной куropаткой.

Наконец, в некоторых посланиях Цец предстает уже совсем в ином обличье. В одном из писем ко Льву Харсианиту мы видим Цеца не строгим и скорбным, а смеющимся. Он улыбается наивности друга и шутит над его дарами. Для взаимоотношений Цеца с его друзьями весьма важно понятие ἀστεῖον. Это слово и его производные многократно встречаются в его письмах и “Хилиадах”²⁶. Ἀστεῖον – это не только шутка в узком смысле, но и вообще любое остроумное высказывание, утонченная риторическая игра. Ἀστεῖον требуется и от читателя, чтобы оценить красноречие и остроумие автора. В одном из пассажей “Хилиад”, комментируя свою словесную игру, Цец отмечает, что завуалированный смысл его высказывания несомненно поймет “человек насмешливый из остроумных” (εὐτράπελος ἄνθρωπος τῶν ἀστείων – Chil. IX. 345). Можно сказать, что идеал дружбы, о котором говорит Цец, подразумевает не только ἐλευθεριότης, но и ἀστειότης – утонченность, свободу речи, непринужденность общения, изящную шутку, понятную лишь избранным. Стремление к ἀστειότης, как мы знаем, будет в

²⁶ Например: Epist. P. 30.15; 31.3; 120.9, 26; 135.5; Chil. IX. 264, 320, 903; X. 234, 240.

высшей степени присуще византийским эпистолографам палеологовской эпохи²⁷. Не чуждо оно и византийским авторам XI–XII вв.²⁸ В эпистолографии этого периода нет недостатка в изящном дружеском юморе, письма проникнуты духом иронии.

Таков образ автора в письмах Цеца к его другу Льву Харсианиту. Этот образ появится и в других сочинениях нашего автора, однако в посланиях к иным корреспондентам он будет видоизменяться, акценты будут несколько переставлены – эпистолограф неизбежно подстраивается под адресата, его вкусы и манеры. В иных же случаях самооценка будет вообще меняться до неузнаваемости. Сколь значительны эти метаморфозы, как варьируются образ автора и стиль общения в письмах к разным адресатам – это уже тема для отдельного исследования.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Chil. – Ioannis Tzetzae Historiae / Rec. P.A.M. Leone. Napoli, 1968.
Daphn. – *Théodore Daphnopatès. Correspondance* / Ed. I. Darrouzès, L. G. Westerink. P., 1978.
Darrouzès. – *Épistoliers byzantins du Xe siècle* / Ed. J. Darrouzès. P., 1960.
Epist. – Ioannis Tzetzae epistulae / Rec. P.A.M. Leone. Lpz., 1972.
Eust. – Eustathii Thessalonicensis Opuscula / Ed. T.L.F. Tafel. Frankfurt, 1832.
Ital. – *Anecdota graeca e codd. manuscriptis bibliothecarum Oxoniensium* / Descripsit J.A. Cramer. Vol. III. Oxf., 1836. P. 158–203.
K.D. – Michaelis Pselli scripta minora magnam partem adhuc inedita / Ed. E. Kurtz, F. Drexl. Vol. II. Milano, 1941.
Prodrom. – PG. T. 133. P. 1239–1292.

²⁷ Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997. С. 16–32.

²⁸ Это характерно в первую очередь для Пселла: Любарский Я.Н. Михаил Пселл... С. 270–273, 277–279.